

МБУК «Глинковская Библиотека»

Мы родом не из детства - из войны

Составила: Ермакова Н.М.

В огне сгорело детство,
Но не прошло бесследно, нет.
И носим мы в себе наследство -
И боль, и радость прошлых лет...

Великая Отечественная война - одно из самых ужасных испытаний, выпавших на долю русского народа. Она изменила судьбы людей, затронула всех, от мала до велика. Не обошла стороной и тех, кто ещё только вступал в жизнь - детей.

«Дети и война - нет более ужасного сближения противоположных вещей на свете», - написал А.Т. Твардовский в одном из своих очерков. Война ломала и калечила судьбы детей. Но дети жили и работали рядом с взрослыми, своим посильным трудом старались приблизить победу. Дети войны... Среди них жители Глинковского района Смоленской области Зоя Григорьевна Бобикова, Нина Андреевна Ларионенкова, Любовь Дмитриевна Полехина, Марина Петровна Аржеухина, Лидия Дмитриевна Каретникова, Михаил Алексеевич Бароненков, Нина Никитична Алексеенкова, Тимофей Павлович Беляев, Анна Титовна Гаврюсёва (Васина), Мария Александровна Бурлакова, Надежда Никитична Горбачёва, Нина Ивановна Горбачёва, Надежда Павловна Базылева, Надежда Никитична Захаренкова, Анна Лаврентьевна Кожекина, Анна Степановна Исаченкова и многие другие.

Уходит жизнь - приходит память.
И память возрождает жизнь.

А. Лиханов

Зоя Григорьевна Бобикова

Великая Отечественная война началась, когда Зое Григорьевне Бобиковой было 5 с половиной лет, жила с родными в деревне Приселье вблизи города Ярцево.

Из воспоминания Зои Григорьевны о военной жизни: «22 июня 1941 года было воскресенье, в деревне был праздник, который вдруг как-то сразу прекратился, вместо песен - плач, и впервые прозвучало это страшное слово «ВОЙНА». Началась трагедия. Мама работала дояркой в совхозе и должна была сопровождать стадо коров куда-то на восток. Нас с братом (ему было 2,5 года) она забирала с собой. Собирались спешно, ночью. Темно, почему-то стояла удивительная тишина. Мы уже устроились на телеге, как вдруг - страшный грохот, разрывы бомб, осколки, зарево, пожар. Это в первый раз немцы бомбили железную дорогу Москва - Минск, рядом с которой жила наша семья в своей деревне. А потом такое явление стало постоянным, и моя семья была вынуждена прятаться и жить в окопах.

Когда немцы оккупировали нашу территорию, из нашей деревни они не уходили никуда. Теперь они уже сами охраняли железную дорогу для своих нужд от диверсий партизан. А партизан они видели в каждом. Помню страшный карательный отряд в белых халатах, залитых кровью. К нам они пришли с обыском, все разбросали, что-то кричали, требовали, а я прижалась спиной к перегородке и расширенными от страха глазами смотрела на очень высокого рыжего солдата. Руки у меня были за спиной. Что-то показалось ему в моей позе недозволенное (может, опасное?). Он схватил меня, что называется, за шиворот и с силой швырнул к порогу в ноги другому солдату... Со мной всё обошлось благополучно, а вот в деревне в этот день повесили 18 человек на берёзах. Весной одна из тех берёз не распустилась, долго стояла, как памятник.

Заслуженный учитель школы
РСФСР (1986), кавалер ордена
Трудового Красного Знамени,
Почётный гражданин Глинковского
района (2018)

1943 год. Рабство в Германии. Да, я видела рабство, я сама прошла через рынок рабов. Вначале нас, детей, хотели забрать от родителей и, видимо, уничтожить. Я запомнила (это, наверное, было в Дахау) отчаянный крик мамы, когда нас угоняли: «Зоя, Толю береги. Держи его за руку. Не выпускай!» Я так и держала его, очень крепко, и когда повели в камеры, и когда чем-то обливали, а потом стригли всех наголо и давали полосатые одежды и деревянные колонки. Но что-то, видимо, не сработало, и нас отпустили к родителям.

А потом этот человеческий рынок. Ходили бауэры и выбирали из толпы невольников тех, кто посильнее, кто сможет работать. И снова беда - маленьких детей брать не хотели. Но нам повезло. Нас взяли. Мы оказались на сельхозработах в Эльзасе. Помню высокие горы, виноградники и огромные поля помидоров. Все надо было срочно убрать, а когда работы были выполнены, всех нас отправили в концлагерь в Германию, в город Фридригсгафен, где кажется, выжить было невозможно. Лагерь обнесён колючей проволокой и никакой еды, кроме одной чашки в день варёной брюквы. Мы выстаивались и шли длинной очередью к большому котлу, чтобы получить свою порцию в металлическую чашку.

Но не зря, говорят, что мир не без добрых людей, даже в таких условиях. Одним из таких людей оказался для нас охранник. Мы почему-то звали его Лошадиная голова. Он не то, что позволял, но «не видел», когда мы один за другим пролезали под колючей проволокой и уходили просить у местных жителей что-нибудь поесть. А там уж кому как повезёт. Кто принесёт кусочек хлеба, кто яблоко, а кто едва успеет спастись от собак. Но жили мы ожиданиями следующего дежурства Лошадиной головы.

В апреле 1945 года нас освободили французы. Бывают же, наверное, в жизни очень радостные события, но той особой радости освобождения забыть невозможно. Все смеялись и плакали какими-то другими слезами, все целовались друг с другом.

В ноябре 1945 года Зоя вернулась домой, в свою разрушенную деревню.

Прошли годы. Зоя Григорьевна Бобикова закончила школу, Смоленское педучилище, Смоленский пединститут. Работала учителем, директором в школах Глинковского района, а также учителем Ельнинской средней школы имени М.И. Глинки.

Нина Андреевна Ларионенкова

Родилась 9 ноября 1928 года, в деревне Филимоны Ельнинского (ныне Глинковского) района Смоленской области. Этого населённого пункта на карте нет, он давно исчез с лица земли.

Из воспоминания Н.А. Ларионенковой: «В конце марта 1942 года, как раз перед праздником «Сороки», к нам в гости пришли мои подружки, делали качели, и вдруг - немецкие самолёты. Мы все разбежались по домам. Немецкие самолёты продолжали строчить. Я стояла у стола, и вдруг мне стало очень жарко правой руке. Я даже не поняла, что случилось. Подбежала младшая сестра Зина и закричала: «Нина, тебя ранило, смотри, кровь бежит из рукава». Подбежала мама, перевязала тряпкой руку, и мы побежали прятаться в блиндаж. До вечера просидели там. В деревне медпункта не было. Мама вспомнила про деда Кондрашка, который в гражданскую был санитаром. Побежали за ним. Дед Кондрашок перевязал мне руку. В тот злосчастный день ранило в ногу и соседскую девочку. На следующий день раненных девочек отправили в деревню Рубежики, в лазарет. Но доехать до лазарета так и не удалось, по дороге от голода умер конь. Я испытывала невыносимую боль, рука начинала гнить, сочилась и пахла. От безысходности я решилась идти в деревню Княжье село к немцам в лазарет. Мама отговаривала, боялась за меня. На её удивление, немцы не отказали в помощи, обработали и перевязали руку. Потом мама сама перевязывала мне рану. Много раз маме становилось плохо, глядя на мою руку, но что поделать, отойдёт немного и опять продолжала перевязки».

Из-за ранения, в школу Нина пошла только в 1945 году. Нужно было учиться писать левой рукой, но с этим она справлялась. Даже почерк у неё выработался красивый, ровный.

После окончания девяти классов Глинковской школы, Нина Андреевна поступила в школу колхозных счетоводов в г. Ельня, по окончании которой её направили в колхоз «Путь к коммунизму» бухгалтером, но она отказалась. Устроилась работать ученицей в Глинковском райсоюзе. Вскоре Нина стала опытным и знающим специалистом, к которому шли за помощью и советом. Она охотно помогала.

Любовь Дмитриевна Полехина

Война... Она застала Любовь Дмитриевну Полехину, когда она, с такими же девчонками и мальчишками, была в лесу, где они собирали ягоды. Их шумная компания услышала рычание мотоциклов, проезжающих по селу.

Дети слышали, что началась война, но заочно понять её по-настоящему, ещё не могли. На этот раз война подошла к ним вплотную. Увидели её из-за кустов: этот шум мотоциклов, громкая чужая речь, убегающие в дома люди.

Деревня Корыстино, малая родина Любовь Дмитриевны Полехиной, была расположена около леса. Это граница Глинковского района, дальше к западу начинался Починковский район. Заслышав страшный шум, вся детская группа, состоящая из девочек и мальчиков 7 - 11 лет, собрались вместе. Им было страшно, ни одного взрослого рядом не было, но они не плакали, не кричали. На этот раз немцы прокатили с криком по деревне и уехали.

Не плакали дети и в следующий раз, когда война начинала показывать своё истинное лицо: при большом количестве людей расстреляли в деревне двоих молодых солдат, пойманных где-то немцами.

С этой картиной дети встретились впервые: живые, здоровые, молодые парни, но какой - то щелчок - и два трупа. Когда фашисты уехали, дети подходили к трупам, держа один другого за руку. Хорошо помнит Любовь Дмитриевна, как они крепко сжимали руки, но не плакали.

Счёт смертей был открыт. И все это дети видели воочию.

В деревне знали, если кого-то посылали сопровождать отобранных немцами у колхозников коров, значит, они уже назад не вернуться, их там расстреляют. В период оккупации, особенно, когда началось партизанское движение, деревня Болтутино было местом казней.

В деревне, которая находилась почти в лесу, жить было очень опасно. Партизаны были в лесах, рядом... Поэтому немцы просто вылавливали молодых средних лет, которые ещё не ушли в партизаны, и отправляли их в Германию.

И взрослые, и дети видели многое: на глазах у родителей немцы повесили не одну девушку, просто потому, что дома стояли в лесу, значит, по мнению оккупантов, девушки были партизанами.

Любовь Дмитриевна Полехина не может забыть, как фашисты решили уничтожить её деревню, чтобы иметь от леса нейтральную полосу. Партизанская разведка предупредила, когда будет наступление немцев. На крышах нескольких домов партизаны устроили засаду с пулеметами. Жители оставались в домах и окопах. Силы были неравные: партизан несколько человек - фашистов сотни.

Немцы прислали в деревню человека, чтобы он сообщил их условие: если будет хоть один выстрел от партизан, то они уничтожат всех жителей. Обсудив положение, партизаны решили не стрелять и уйти из деревни.

Немцы вошли в деревню, выгнали всех из домов, из окопов, собрали в кучу и погнали к школе. Школу облили керосином и запалили. Все жители стояли на площади перед школой, окруженные немцами. При одном выстреле со стороны партизан всех жителей побросали бы в огонь.

Не могла забыть Любовь Дмитриевна, как её мама, она сама и её старшая сестра (ей было 14 лет) решили броситься в огонь сами. Трудно объяснить, что это было: чувство сопротивления, гордости или что-то другое?

... Горит школа, горят и другие колхозные постройки. Нас погнали назад по деревне. У каждого дома останавливали, поджигали его и гнали дальше. И так по всей деревне. Сожгли все, до последнего сарая.

Все жители остались без крова, без пищи... Постояв немного, побрели в соседнюю деревню. Тогда народ был радушный.

Вспоминает Любовь Дмитриевна, как их в доме было 18 человек, а изба была самая обыкновенная - одна большая комната.

Не все сейчас могут понять, что пережили дети в период оккупации! Как немцы гоняли вместе со взрослыми рыть окопы, делать дороги, пахать вместо лошадей.

Самое страшное время, когда мы были узниками.

Любовь Дмитриевне Полехиной было в тот момент 11 лет. Хотя весь период оккупации дети были узниками, но они старались не плакать. Об этом времени есть, что вспомнить им, много можно рассказать, но вспоминать это тяжело.

В сентябре 1943 года советские войска освободили узников. Через месяц дети пошли в школу. Любовь Дмитриевна ходила сначала в Болтутинскую школу, за 7 км от дома. Окончив семь классов, поступила в Смоленское педучилище. Тогда в педучилище учились 4 года. Потом была учёба в институте, позже - работа в Глинковской средней школе...

Марина Петровна Аржеухина

Родилась 20 декабря 1933 года в г. Смоленске.

Когда началась война ей было 7 с половиной лет.

Из воспоминаний М.П. Аржеухиной: «Мы с бабушкой пошли в театр (г. Смоленск). После окончания, вышли из театра, на улице никого не было. Пришли домой, отец сказал: «Война началась»...

Жили мы на берегу Днепра. В саду, около дома люди рыли окопы. Мы в них прятались от бомбёжек.

Помню, как по городу немцы вели колонну пленных советских солдат. По дороге многих расстреливали.

Где-то в 1942 году почти всех мирных жителей города выгоняли из их домов, погнали на железнодорожный вокзал, а затем поместили всех по вагонам, где мы все ели-ели поместились.

Эти вагоны прицепили впереди и сзади к военному немецкому эшелону. Осенью 1943 года привезли нас в Германию и распределили по немецким хозяевам на сельхозработы. Я с мамой и бабушкой попала в большую немецкую деревню, недалеко от города Дрезден. Поселили нас с другими русскими в пустой сарай на скотном дворе. Мы, дети, собирали картошку, свеклу. Взрослые зимой ухаживали за скотом, пилили дрова. Как могли грелись в сарае.

Спустя некоторое время мы нашли лошадь и стали двигаться в сторону Родины (на лошади, на поезде...).

В 1951 г. окончила 7 классов 2-ой школы г. Смоленска. В 1951-1955 гг. Обучалась в Смоленском педагогическом училище. С 1955 г. по 1960 г. работала в детских домах: Вяземском №2, Н-Никольском и Екимовическом. С 1960 г. по 2001 г. - учитель Берёзкинской школы, сначала учитель начальных классов, потом учитель русского языка и литературы. В 1963 г. заочно окончила Смоленский педагогический институт по специальности учитель русского языка и литературы. В 1984 г. удостоена звания «Отличник народного просвещения».

Лидия Дмитриевна Каретникова (Гращенкова)

Родилась 14 августа 1929 года в деревне Ромоданово Глинковского района Смоленской области. Тут прошли её детские годы, юность, опалённая войной.

Из воспоминаний Л.Д. Каретниковой: «Мне было 13 лет, когда в июне сорок второго года, я вместе с матерью и сестрой попала в немецкий концлагерь, который находился в городе Вязьме. В нём мы пробыли до 25 декабря того же года. Расскажу, как это было. Мой отец Дмитрий Сергеевич Гращенков был коммунистом, активным участником партизанской борьбы с фашистами после оккупации нашего района.

Когда был ликвидирован Дорогобужский партизанский край, каратели и их приспешники - местные полицаи стали арестовывать всех, кто имел связь с партизанами, особенно семьи коммунистов. Отец ушёл с партизанами, а мы скрывались у родственников в соседнем районе. Но кровавые руки полицаев дотянулись до нас и туда. Арестовали и вели в нашу деревню Ромоданово, где уже была построена для нас виселица.

От деревни к деревне вели разные полицаи, сменяя друг друга. Один из них, видимо, пожалел нас и не повел в нашу деревню, а сдал немецким властям в деревне Балакирево Дорогобужского района. Оттуда немцы погнали нас в Дорогобуж, дальше - в Сафоново, затем - в Вязьму, где заключили в концентрационный лагерь.

При регистрации мама записала нас на свою девичью фамилию. И так как фамилия Белоусовы здесь никто не знал, мама из Белоруссии, нас просто определили в фашистское рабство. Работать заставили на строительстве бомбоубежищ и на восстановление разрушенной железной дороги. Работа была не женская - тяжёлая и заняты е были весь световой день. Жили дождливой осенью и суровой зимой почти под открытым небом за колючей проволокой. Полное истощение от голода, постоянное избиение резиновыми палками и прикладами, если споткнулся и упал или не так сделал, как надо, - было повседневным уделом узников.

Никакого снисхождения не было и к нам, детям. Приходилось переживать всё наравне со взрослыми. Стала свирепствовать эпидемия тифа. Тифозных взрослых и детей, чтобы не заразили здоровых, расстреливали. Когда заболела тифом я, пряталась под нары и лежала там, пока закончится обход лагерного врача или фельдшера. Так удалось каким-то чудом спастись от расстрела и выжить от тифа.

Наступило 25 декабря. Немцы начали праздновать Рождество. А ночью наши самолёты сильно побомбили город. Несколько бомб попало и на территорию лагеря. Было разрушено здание комендатуры. Часовых нигде не было видно, появилась возможность убежать.

С большим трудом добрались мы с мамой до родственников (сестру к тому времени угнали в Германию). В сорокаградусный мороз шли две недели, скрываясь от полицаев, которые в каждой деревне проверяли документы, а у нас их не было. Ночевали в стогах сена, в заброшенных сараях. Одеты были в лёгкое тряпье, даже на ногах не было обуви, завернуты были в тряпки. Чуть живые дотащились мы до деревни Иватутино, где нас укрывали до освобождения нашими войсками. Потом вернувшись в свою деревню, увидели, что избы нашей нет, её один полицай перевёз к себе и построил из неё пристройку к дому. Так и мотались мы по разным квартирам до конца войны и возвращения отца с фронта...».

Награждена орденом Трудового Красного Знамени (1974 г.); почётными знаками «Отличник народного просвещения РСФСР» (1974 г.) и «Отличник народного просвещения СССР» (1976 г.); медаль «Ветеран труда» (1986 г.).

Михаил Алексеевич Бароненков

Родился 18 февраля 1928 года в деревне Матрёнино Батурина района Смоленской области. По окончании десяти классов летом участвовал в работах на колхозных полях.

Во время Великой Отечественной войны с появлением партизан в деревне вместе с ребятами, Михаил выполнял их задания - обследовали вокруг местность и собирали оружие и боеприпасы.

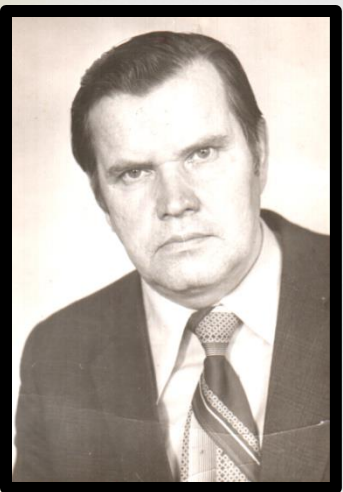
Однажды всё население Матрёнино немцы собрали в центре деревни... Под конвоем с собаками людей погнали в сторону Вязьмы. Среди них был и Михаил с матерью и младшим братом. Путь изгнания из родной деревни до лагеря лежал через города Ярцево, Смоленск, а затем Рославль.

Лагерь для пленных в г. Рославле был переполнен, и для вновь прибывших не оказалось мест, направили обратно в г. Смоленск, а затем в Красный Бор на торфоразработки. Голод, сырость, тяжёлая работа выматывали силы. Немцы заставляли работать всех, не обращая внимания на возраст и болезнь. Появились больные сыпным тифом. У Михаила на руках и на ногах появились язвы.

Немцы думали везти пленных дальше, выгоняли из барачных бараков и отправляли на железнодорожную станцию. Воспользовавшись случаем, Михаилу с матерью и младшим братом удалось бежать. Шли они в сторону Гнёздова, где спрятались на болотах. Питались тем, что давали люди. Боролись за жизнь и выжили.

После войны, в 1947 году Михаил Алексеевич Бароненков поступил и с отличием окончил Смоленский пединститут, литературный факультет. Работал сотрудником секретариата в редакции Смоленской областной газеты «Рабочий путь», директором Велистовской средней школы Духовщинского района; завучем, а затем директором Глинковской средней школы; редактором Глинковской районной газеты. Михаил Алексеевич награждён медалями: «За доблестный труд», «К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг.» и многими другими, а так же знаком «Отличник народного просвещения».

19 февраля 2002 года Михаил Алексеевич Бароненков умер.

Нина Никитична Алексеенкова

Из воспоминания Н.Н. Алексеенковой: «Мне было десять лет, когда началась Великая Отечественная война. Жили мы в деревне Ново - Яковлевичи. Отец наш ушёл на войну сразу, как только, объявили об её начале. Мы остались с матерью, четверо детей и пятым мать была беременной.

Мы узнали, что наши отступают. Однажды мы стояли на улице, собравшись возле нашего дома. Раздался мощный гул моторов. Мы все оцепенели от испуга. Нам еще не доводилось видеть такие машины. Это были танкетки, так называли их мужчины и еще мотоциклы. Их было видимо-невидимо. Они продвигались мощной колонной по нашей деревне. Вдруг останавливается передняя танкетка и из нее вылезает немецкий офицер и берёт первого попавшегося мужчину. Они его взяли, посадили на танкетку и заставили показывать дорогу на Брыкино и Горавицы. Так прошла моторизованная колонна первый раз по нашей деревне. Началась паника. А через некоторое время ночью люди стали уезжать в беженцы. Разобрали колхозных лошадей и повозки.

Нам с матерью не досталось упряжек с лошадьёю. Никто нас не взял на воз. Все старались сохранить и взять с собой побольше своего скарба. Кому нужна женщина на сносях, да ещё с кучей маленьких детей. Мать поплакала, и мы остались дома в своей деревне.

Через несколько дней начался бой. Тогда был Спас. Мать зарезала курицу, срезала кочан капусты. Корова у нас была. Решили испечь хлеб и сварить молочной капусты да ещё с курицей. Это была по тем временам необыкновенная вкуснятина. Мы ожидали обеда как манны небесной. С нами ещё остались две соседских старушки. Их тоже никто не взял с собой.

У соседа нашего Захара Семеновича Осипенкова был сделан окоп буквой «Г». Этот дом стоял ближе к оврагу за нашим домом. Вот мы и устраивали праздник Спаса в его доме. Но нам было не суждено отведать праздничного обеда. В полдень начался сильный бой.

22.06.1930 г. - 31.07.2004 г.

Мы залезли в этот окоп, загородились подушками и сидели там как мыши в норе. Наши войска начали наступление на немцев. Немцы стояли в Глинке, а наши за Устромом. И вот начался такой бой, нельзя было головы высунуть из окопа. Так мы просидели остаток дня и ночь. Под утро бой утих. И мы слышали, как кто-то нас зовёт сверху. Называет мать по имени и спрашивает, живы ли мы. Мы стали вылезать из окопа, но не тут-то было. Оказывается, нас завалило землёй, но с помощью этого мужчины мы вышли из-под земли. Когда мы вылезли, то оказалось, что это был наш сосед. А кругом только пожарища.

Мать хотела выйти из окопа во время боя, чтобы выпустить корову из сарая, где она была привязана. Но мы вцепились в неё и не пустили. Боялись, что останемся без матери.

Сгорело всё наше имущество. Мы собрались и пошли, куда глаза глядят. По деревне валялись убитые солдаты, сцепившиеся друг с другом в штыковом бою... Когда вышли за деревню, нас встретил дядя Вася, тот, который нас из окопа откопал. Он повёл нас в овраг за деревню. Там они с семьёй сидели в окопе, сделанном в горе. Деревня вся выгорела. Ничего не осталось.

Они дали по куску хлеба. У матери же ничего не было, кроме детей. Дядя Вася посоветовал нам уходить, так как здесь ещё возможен бой. Он с семьёй тоже собирался уходить.

Мы пошли через Глинку. Мы очень боялись немцев. Но нигде их не встречали на своём пути. Пошли в д. Буду. Там мы остались на некоторое время. Потом двинулись дальше. Дошли до деревни Пашино. Там мы прожили до октября месяца.

Потом мы узнали, что в нашей деревне нет боев и можно возвращаться домой.

Так мы поздно вечером опять прибыли в Глинку. Нас подвезли брыкинцы, которые тоже были в д. Пашино. В Глинку попали поздно вечером, когда уже было темно. Дальше идти было небезопасно. Увидали в одной хате огонёк и пошли проситься туда на ночь. Но хозяйка дома встретила нас на улице и сказала, что у неё занята хата немцами. Что сама она живёт в бане.

Тут из дома вышел немец и спросил по-русски: «Что вам угодно?». Мать рассказала, откуда мы идём и куда, и о том, что нам нужен ночлег. Тогда он нас повёл в хату и указал на печь. Мы залезли на печь всей семьёй и быстро согревшись уснули. Но прежде мать мне сказала о том, что она пойдёт рано утром в деревню, искать жильё.

Утром мы проснулись от громкой немецкой речи. Матери уже не было. Там прождали её полный день. Нам очень хотелось есть. Младшие дети начали плакать. Тогда тот самый немец, который говорил по-русски опять подошёл к нам и спросил в чём дело. Я ему объяснила, что мы хотим есть. Что у нас ничего нет. Тогда немцы дали нам буханку хлеба и по небольшому ломтику колбасы. Вы и представить себе не можете, что мы почувствовали, когда увидели эту снедь перед глазами. Мы набросились на еду, как звери. А немцы наблюдали за нами, ржали как лошади, катались от смеха, бормоча на своём лающем наречии. Но мы были дети, и нам было не до стеснения и обиды. Ведь мы не ели уже целых два дня.

Мать возвратилась за нами под вечер. Она, оказывается, освободила школьную квартиру. Там до войны жили учителя. В этой квартире было всё разгромлено, но здание было цело. Мать немного убрала хлам из квартиры и застеклила кое-чем окна. Сделала вместо кровати нары. Вытопила печь. Печь там была «голландка». В этой печи была топка в плите и сделана большая печурка. Вот и вся печь. Но она была натоплена.

Когда мы возвращались в наше так называемое жилище, мы были рады до безумия. Мать нас накормила картошкой в мундирах и уложила спать. А сама видимо не спала всю ночь. Ведь она выполнила непосильную работу. И тут у неё начались роды. А мы спали себе и ничего не слышали. Утром мать разбудила нас завтракать. Оказывается, она уже справилась с печкой, наварила картошки. Потом она подошла к нарам и открыла подушку. Под подушкой что-то захлюпало. Мать заплакала и стала нам рассказывать, как родилась девочка. Так нас у матери стало пятеро. Мы перебивались кое-как. Полуголодные. Но не долго, нам пришлось жить мирно. Настала зима, и самолёты начали территорию школы и деревню каждый день поливать трассирующими пулями. Скотные дворы загорелись. Но тушить их было невозможно.

Так продолжалось каждый день, пока однажды не зашёл брат матери. Оказывается, его отпустили из армии по контузии. У него стали случаться после контузии приступы падучей болезни. Его комиссовали, как непригодного к военной службе. Он пробыл у нас до следующей ночи. Увидев весь кошмар, в котором мы жили, пообещал, что постарается нас забрать отсюда. Через два дня приехала материна сестра. Она сама из деревни Лейкина, а жила в войну в деревне Мончино. Она забрала нас к себе. Избушка, в которой она жила, была очень маленькой и мы там теснились - две семьи. Тётина семья была такая же, как и наша. Пятеро детей и она шестая. Только её дети были постарше.

Питались мы кониной, которую собирали на поле. Когда проходил бой, погибло много лошадей. Мы шли в поле откапывали лошадь из - под снега, потом рубили на куски мяса, грузили на санки и везли домой. Потом наши матери её варили. Мы ели конину не соленую и без хлеба. Изредка солили удобрением, если могли его достать.

Мы там жили до осени 1942 года. В сентябре вернулись домой, но наша квартира уже была занята другими жильцами. И нам пришлось поселиться в школьном здании. Там был один класс. Ещё там была большая, русская печь. Жило нас в школе пять семей. Позже мать нашла ещё жилье. На перекрестке возле церкви, в горе, остался немецкий блиндаж. Вернее пулеметное гнездо. Вот там мы и поселились под весну 1943 года. А в апреле нас ночью разбудили немцы и заставили выходить. Мы испугались, мать заплакала. Мы ведь были почти полуголые. Нам нечего было одеть и обуть. Ходили в разного рода отрепьях. Нас погрузили в машину и повезли в неизвестном направлении. Так оказались мы в г. Рославле, в концлагере. Какой это был кошмар. Там было столько народу, что негде было сесть. Потом подростков и женщин стали гонять на работу: копать окопы, чистить туалеты и так далее. Детей младших грозились убить, чтобы не мешали. И каждый раз, когда нас пригоняли на ночь на наши нары, мы поскорее стремились увидеть младших детей, чтобы узнать, живы они ещё или их уже нет. Но каждый раз находили их голодных на том самом месте, где оставили. Так нас мучили до сентября месяца 1943 года.

В сентябре нас еле живых, освободили наши, ведь мы были почти совсем замучены голодом. Всё равно мы были невероятно рады освобождению от адских мук.

Мы пошли домой, хотя идти не могли. Мы еле двигались. Но сумели дойти до ближайшего селения. Там нас наши солдаты посадили на подводу и откомандировали солдата, чтобы отвез нас домой. Не знаю, сколько мы ехали.

Наконец довели нас до нашего блиндажа. Оказалось, что наше жилище занято двумя офицерами. Они нас радушно приняли, снабдили зерном, правда горелым. Немцы подожгли зерно, когда отступали. Хорошо, что быстро пришли наши и не дали зерну сгореть совсем. Мы потом отмывали его в речке и сушили, затем молотили на самодельных мельницах.

Офицеры нам оборудовали наше жилище. Построили нары. Сделали окна, сложили плитку. Так мы снова стали жить у себя дома, на родине, в деревне Ново - Яковлевичи. В 1944 году войск здесь уже почти не было. Открыли школу в Яковлеве и я пошла туда в четвертый класс, так как до войны окончила 3 класса.

Зимой дети ходили в школу, а летом в колхоз, на работу. Так было в первое лето 1944 года. Копали землю лопатами. Больше никакого инвентаря, всё было разбросано и раскрадено. Итак, мы копали лопатами поле, чтобы что-то посеять. За семенами ходили в другие районы пешком. Несли их на себе.

Однажды мне довелось видеть казнь полицаев. Нам несколько не было их жаль. Потому что я своими глазами видела, как полицаи издевались над людьми.

Война очень тяжелое время. За годы войны, мы переболели всякими болезнями. Самой страшной был тиф. Он унёс много деревенских жителей. Но в нашей семье хоть и переболели все, но никто не умер.

Весной 1945 года нам прислали извещение о том, что наш отец пропал без вести. Мать вызвали в военкомат и сообщили ей, что он, офицер, старший лейтенант, в составе группы был послан в разведку. Они выполнили задание, а из разведки вернулись немногие. И отец наш тоже пропал, что с ним случилось, никто не знал. Он был награждён орденом Отечественной войны первой степени. Матери вручили этот орден и извещение.

Однажды мы всей семьей поехали в гости к тётке в деревню Монино. И там заночевали. В ту ночь у нас в блиндаже побывали воры. Мы пришли, хватились, а ордена нет. Мать пошла в военкомат, а через неделю нам сообщили, что нашли вора. Оказывается, орден обнаружили у одного из односельчан. Его тогда выгнали с работы и исключили из партии.

Потом стали строиться. В колхозе появилось две или три лошади. Вырезали лес на хату, а потом возили на лошадях. Строили нам сруб всем миром, как тогда говорили «толокой», ставили, подводили под крышу. Мы поселились в хату без окон и дверей. Вернее были оставлены дыры под окна и двери. Мы жили так лето, а потом пришлось сделать садку окон и дверей. А ещё надо было сложить печь. Кирпич мы с матерью брали на церкви, которая была взорвана нашими солдатами при отступлении в 41-м году.

Мы наломали кирпича на печь и наняли печника. Он сложил большую печь, на которой вся семья помещалась. За работу заплатили деньгами, которые нам выплачивали за отца. Получали мы за него триста рублей и ещё нам на него давали паёк: крупу, консервы, тушёнку, масло, сахар. Всё то, что положено ему было на месячный паек. С пайком стало намного полегче. Но не очень - то мы им насыщались. Потому что, это было мало, чтобы накормить семью. Полагалось-то всего два килограмма крупы, две или три банки консервов и две банки тушенки. Иногда один килограмм сахара и пол кило мяса. Конечно, для нашей голодной семьи это было, что в море капля. А деньги - 300 рублей по тем временам было почти ничего. Буханка хлеба стоила 100 рублей.

В школе писали на старых книгах или на газетах, что валялись тогда на школьной территории. Чернила делали из свеклы. Делали нам одно перо на год. Привяжешь его на прутик от веника и пишешь бурачным соком между газетных строк. А через несколько часов, твоей писанины, как и не бывало. Улетучивалась быстро. Книги давали на всю деревню. Устанавливали очередь, когда и в какое время учить уроки.

Надеть и обуть было нечего. Как в школу собираться, так слезы. В колхоз хоть и ходили мы с матерью, но ничего, кроме трудодней не получали. А на трудодень не давали даже никакого фуража. Хорошее зерно всё сдавалось государству, а отходы шли колхозному скоту.

Сами питались зимой картошкой и овощи с огорода. А летом щавель рвали по десять вёдер в день или козелец, который тогда родился на полях. Ещё липовые листья сушили и толкли на муку. Козелец - это дикий щавель, только очень мелкий, а цветёт красными маковыми зернышками. Когда он начинал поспевать, мы его жали серпами и молотили вальком, на какой - либо постилке, прямо на поле. А потом эти зерна сушили и на самодельной мельнице молотили. Пекли в виде хлеба такой кислый комок, похожий на конский кал. Освещаться было нечем. Кто мог доставал керосин. В домах были коптилки или лампы. Ещё освещались лучиной.

Когда я подросла, меня стали отправлять на лесоразработки на Угрю. После восьмого класса, я бросила школу. Учиться было не под силу.

Сначала меня послали в животноводство, а потом стали гонять в лес. В лесу целый день лазишь по пояс в снегу, обрубашь сучья и таскаешь груд, а потом палишь. Делянка должна быть чистой как поле. После работы шли на квартиру. Мокрая одежда прямо на тебе замерзала колом. Идёшь, как в панцире. На квартире стащишь всё с себя. Лапти и портянки свяжешь в узел и отдашь хозяйке. Она закинет обувь в печь, а в печке там и духом не пахнет. Наши лапти с портянками только распарятся за ночь, но не высохнут. Ложились спать прямо на полу, на соломенную подстилку одеждой накрывались. Так работали в лесу недели две, а то и три, пока не очистили всю делянку. Питание тоже было скудным. Колхоз давал муку и баранину. Наваришь из этой муки болтушку с бараниной. Вот и всё питание.

Бывало разорвётся одежда вся в лесу. Едешь домой голодный, оборванный. Кое-как в вагон влезешь без билета.

Всякое случалось. Но не только горькие минуты переживала я в своей жизни. Было и немало радостного, светлого. Но вот война и послевоенное время останутся навсегда.

Тимофей Павлович Беляев

Родился 10 марта 1930 года. Закончил Шаталовский техникум, по истечении времени поступил заочно в Сельхозакадемию. В колхоз «Правда» приехал в 1968 году. Много лет работал бригадиром, председателем сельского Совета. За добросовестный и многолетний труд был удостоен правительственной наградой орденом Трудового Красного Знамени.

Анна Титовна Гаврюсёва (Васина)

Родилась в 1926 году в деревне Боровая Глинковского района Смоленской области.

Из воспоминаний А.Т. Гаврюсёвой: «Самые большие наши беды начались с того времени, когда летом сорок второго года немцы, проводя карательную операцию против партизан, начисто сожгли родную деревню. И мы вынуждены были беженцами жить в деревне Язвино. С собой у нас ничего не было, все погорело, и бедствовали, и с едой, и с одеждой до отчаяния.

А в марте сорок третьего года навалилась новая напасть - немцы забрали всех подростков, в том числе и меня, и угнали на принудительные работы. До станции Глинка вели нас колонной. Затем затолкали в товарные вагоны и повезли в Ельню. Там высадили и под конвоем немцев и полицаев повели дальше за двадцать километров от города в деревню Суханово.

Здесь колхозная конюшня была превращена в лагерь, в который и заперли нас. А утром погнали на работу - на строительство оборонительных сооружений. Копали окопы, траншеи, заготавливали и подтаскивали бревна на землянки и блиндажи. Началась весенняя распутица, а мы целыми днями плохо одетые и обутые, в слякоти топчемся - мокрые, грязные, продрогшие. Придём на ночь в конюшню, там тоже - не лучше: согреться нельзя, не то, что обсохнуть. Колотимся всю ночь в ознобе. А утром - опять на мокрядь. Словом, и холода, и голода, и непосильного труда - всего хлебнули вдосталь. Одно поддерживало наши силы - слышали по грому канонад, близится фронт.

А тут стали ходить слухи, что немцы собираются угонять нас в Германию. Вот мы и решили: нужно разбежаться. Правда, для многих это обернулось гибелью. Но некоторым, в том числе и мне, повезло. Удалось спрятаться и остаться живой...»

Мария Александровна Бурлакова

Родилась в крестьянской семье, в которой было восемь детей. Деревня Белый Холм была большая, детей было много. Мария окончила шесть классов. Летом дети без дела не сидели, ходили за ягодами, грибами, работали наравне со взрослыми.

В 1941 году, когда в размеренную деревенскую жизнь ворвалась страшная, жестокая война, семья Ковалевых (девичья фамилия Марии Александровны) пережила все ужасы немецкой оккупации.

Из воспоминаний М.А. Бурлаковой: «...Как нам только удалось не умереть от голода, до сих пор удивляюсь. Чем только кормили маленькую Нину? Собирали дубовые листья, толкли в ступе, а мама из них пекла лепешки. Помню, разломаешь лепешку, и слезы катятся, проглотить невозможно. Пока мама не видит, выкинешь лепешку и остаешься голодной на весь день.

Когда всё затихло, после по нападений немцев, семья Ковалевых вернулась в деревню, но их уютного дома уже не было, его сожгли фашисты. Пришлось с нуля отстраивать жилье. Мужчины все воевали, поэтому все легло на женские и девичьи плечи...».

Мария Александровна замечает, что жизнь сельчан никогда не была легкой. И потом, после войны, работать в бригаде совхоза «Белый Холм» было непросто. Приходилось доить коров, если кто-то из работников не выходил, еще и ухаживать за телятами. Поили, кормили, чистили навоз - все вручную. Из Добромина возили на лошадях удобрения и зерно. Норовистые животные далеко не всегда вели себя спокойно. Но несмотря на все сложности, на работу выходили с песнями. Задора и энергии ещё и на танцы хватало.

Мария Александровна все умела делать, готова была любому помочь.

Надежда Никитична Горбачёва

Родилась Надежда Никитична в древне Язвино, в многодетной семье. Родители работали на родной земле. Жили непросто, но самые страшные испытания принесла Великая Отечественная война. Надежда была тогда ещё маленькая, а вот старшие братья воевали, защищали Родину. Брат Василий был в блокадном Ленинграде, воевал, был награждён медалью «За боевые заслуги».

После войны Надежда Никитична окончила 7 классов: три класса в Язвине и четыре - в Белом Холму. Сразу после школы стала работать дояркой, хоть и трудно было, но старалась трудиться наравне со взрослыми.

- Молодые были, верткие, ничего, что приходилось практически всю работу выполнять вручную. - рассказывает Надежда Никитична. - Усталости, как говорится, и перед «вечёрками», не ощущали. Бегали на танцы, под гармошку пели, а плясали как!

В ту пору и заметил её, ясноглазую да весёлую, будущий муж - Иван Горбачёв. Вскоре поженились. Переехали в Корыстино, родились дочь Галина и сын Владимир. Так и остались здесь.

Большую часть жизни Н.Н. Горбачёва посвятила животноводству. Надо отметить, Надежда Никитична вспоминает о тех годах, как о самом счастливом времени, о тех, с кем вместе работала. Это - Нина Федотенкова, Раиса Соколова, Тамара Миронова, Людмила Чибисенкова, Лида Архипова, Люба Трошкина, Алик Задунов и другие. Часто вспоминает Надежда Никитична о том, как умели организовывать праздники под задорную гармонь Владимира Киселёва. А тогда и работа спорилась. Какие надои были! Надежда Никитична была в числе передовиков, награждалась Почётными грамотами, памятными подарками. Её фотография висела на Доске почёта колхоза «Правда».

Нина Ивановна Горбачёва

Родилась Нина Ивановна в Духовщинском районе, в деревне Воронцово. Своих родителей она считает обыкновенной крестьянской семьёй. Мать работала в полеводстве, отец - трактористом.

Довоенное детство проходило как у всех детей того времени. С малых лет помогали родителям не только по дому, но и в поле.

Маленькая Нина очень ждала того моменты, когда пойдёт в школу, очень хотелось научиться грамоте. Но едва девочке исполнилось 7 лет, началась Великая Отечественная война. Отец пошёл воевать, защищать Родину. В войну семье досталось, как и многим. Конечно, об учёбе не было и речи. И только в 1943 году, когда Смоленщину освободили от фашистов, в 9 лет, Нина пошла в первый класс. Грамота давалась ей легко, поэтому училась успешно.

После войны мама работала председателем колхоза, отец вернулся и снова сел на трактор. Все были тесно связаны с землей, может, поэтому Нина Ивановна и выбрала профессию агронома. Окончила 7 классов, а в 1950 году этого было достаточно для того, чтобы поступить на агронома в Шанталовский техникум.

В 1956 году приехала на работу в Глинковскую машинно-тракторную станцию, где 3 года отработала агрономом. Вышла замуж, переехала к мужу в Корыстино, где пошла работать в магазин. Тогда Корыстино было отдельным большим колхозом, который назывался «Путь к коммунизму». В 1959 году Корыстино объединили с Болтутином, тогда это был колхоз имени Сталина. Большое хозяйство, много людей, жизнь в деревнях кипела.

Муж Нины Ивановны, Николай Иванович Горбачёв, работал участковым милиционером, она продолжала работать в магазине. Горбачёвы воспитывали двоих сыновей - Николая и Владимира. В 1982 году перебрались всей семьёй из Корыстина в Болтутино.

За свой многолетний труд, в сфере торговли, Нина Ивановна неоднократно награждалась Почётными грамотами, премиями.

Надежда Павловна Базылева

Родилась Надежда Павловна в деревне Дёмщина Ельнинского района. Она из поколения детей войны, которые вступали в жизнь под грохот снарядов и вой бомб.

Надежде было всего 4 годика, когда началась война. Отца она не помнит, но по рассказам матери знает, что в первый день войны он ушёл на фронт. В том же 1941 году погиб на Соловьёвой переправе. Захоронить не удалось, в семье знают только место его гибели. После войны Надежда Павловна закончила 2 класса, дальше учиться не пришлось, так как матери было тяжело обеспечивать семью.

- В совхоз меня не брали, я была мала, - рассказывает Надежда Павловна, - поэтому приходилось наниматься в няньки. Смотрела за маленькими детьми, а когда подросла, пошла работать в совхоз дояркой. Вышла замуж в Болтутино, родила 5 детей.

Младшему было всего полтора года, когда не стало мужа Надежды Павловны. Трудно было одной поднимать на ноги детей, но рук она никогда не опускала. Наоборот, несла ответственность за двоих, всех детей вырастила хорошими людьми.

Да и в хозяйстве, где Н.П. Базылева много лет отработала дояркой, всегда была на хорошем счету. За многолетний, добросовестный труд она неоднократно была удостоена Почётных грамот, её постоянно называли в числе передовых доярок хозяйства.

Надежда Павловна - ветеран труда.

Надежда Никитична Захаренкова

Из воспоминаний Н.Н. Захаренковой: «Родилась я в деревне Жигалово Починковского района. В семье моих родителей было трое детей. Жили, как все тогда, бедновато. Отец, Никита Яковлевич Семёнов, поехал в город Сталин (сейчас Донецк) работать на шахту, а мы должны были приехать к нему позже, но не успели, началась война. Отца сразу забрали на фронт, больше мы о нём ничего не слышали - пропал без вести. Военное лихолетье переживали на Смоленщине. Не дай Бог вам испытать то, что выпало на нашу долю. Голодали... В пищу шла трава, тошнотики (мерзлая картошка). «Самокруткой» мололи прелое зерно, чтоб из полученной муки, вперемешку с травой, выпекать хлеб.

Когда закончилась война, Надежда пошла учиться. Сегодня кажется удивительным, что в школу с собой каждый ученик нёс полено, чтоб топить печи в классах. Окончила всего 7 классов, дальше учиться не было возможности, а как хотелось....

Матери трудно было одной поднимать троих детей. Пособие за отца не получали, так как все документы сгорели и предъявить было нечего.

Сразу после школы Надежда пошла работать в колхоз. Вскоре семьёй переехали в Користино. Здесь Надежда Никитична встретила красивого, brave моряка - Петра Григорьевича Захаренкова, который, отслужив 5 лет на Тихоокеанском флоте, вернулся домой. Поженились. Потом родились три сына. Когда дети пошли учиться в Болтутинскую школу, переехали в Болтутино.

Работали супруги Захаренковы в колхозе: Надежда Никитична - в полеводстве, Пётр Григорьевич - шофёром. За добросовестный труд Надежда Никитична была неоднократно удостоена Почётных грамот, есть медаль за «Трудовую доблесть». Она - ветеран труда.

Анна Лаврентьевна Кожекина

Война застала Анну Лаврентьевну в 13 лет. Она очень хорошо помнила, как пошла на рынок из родной деревни Пашино, как впервые услышала пронзающий душу шум бомбардировщиков и падающих снарядов. Ельню бомбили.

Тогда всё только начиналось. Тяготы войны были разными. Первой из них встал на пути голод...

Самые страшные дни для Анны выдалась при Ельнинском сражении. Фашисты заставили их, детей, рыть им окопы, а затем отправили собой разминировать минное поле. Первыми пошли мальчишки, но смелость не спасла их от горькой участи... Взрыв... Два мёртвых мальчика и куча раненых детей. Среди них была и Анна Лаврентьевна. Осколки от мины повредили ей ногу, и Анну кое-как доставили в Ельнинский госпиталь, где немецкие хирурги занялись её раной. И даже после войны врачам так и не удалось вынуть последних осколков из ноги красивой и ещё юной девушки - тут же открывалось сильное кровотечение и операция прекращалась. Война не щадила ни юности ни красоты. Так Анна Лаврентьевна всю жизнь и проходила с осколком в ноге. Но сколько она с ним намучилась... По воли случая нашлись люди, которые сообщили Лаврентию Дмитриевичу, что его Аня в госпитале и её нужно забирать домой. Наверное, это была самая страшная поездка в её жизни. Анна Лаврентьевна Кожекина хорошо запомнила, как нога с шиной наливалась болью на каждой кочке, которую преодолевала лошадиная повозка. Как однажды нога повернулась пяткой вперёд... Но время шло, раны заживали, а душа - нет. Да и война была вся ещё впереди. Всего хватало на нелёгком пути... Она повидала и голод, и холод, и смерть...

А.Л. Кожекина и 1 класс

Анна Степановна Исаченкова

Из воспоминаний А.С. Исаченкова (в девичестве Дубинская): «Наша хата была на краю деревни Боровая и партизанам было удобно приходить к нам, оставаясь незамеченными немцами. Некоторые просили дать им одежду (переодеться из военной шинели в гражданскую, моя мама, Зинаида Ананьевна Дубинская, давала все, что у нас было, и спасала всех, кто обращался к нам за помощью. И делала она это с риском для жизни своей и членов семьи тоже.

Помню, был такой случай, когда в нашу деревню пришел партизан, а следом нагрянули немцы. Партизану некуда было деваться, и мама спрятала его под большим деревянным корытом. Держали тогда такие корыта, длиной в человеческий рост, чтоб капусту рубить.

Лежало наше корыто на улице. Вот под него мама и отправила пришедшего из леса мужчину (звали его Николай), а меня поверх корыта посадила. Мне было тогда 9 или 10 лет. Сажу как ни в чем не бывало. Немцы в наш двор зашли, походили, поговорили о чем-то и ушли. Мы все потом буквально замерли от страха. Ведь если б фашисты под корыто заглянули, то никого бы из нас не пощадили. Но... обошлось...

И таким образом мы многих спасали от смерти - прятали, выдавали за близких родственников. Моя сестра Таня, к сожалению ныне уже покойная, возьмет топор, веревку. Вроде за дровами идет, а сама несет партизанам какую-либо еду. Хотя и сами мы тогда жили впроголодь, но делились последним куском хлеба. Бывало, мама пирог для партизан испечет или картошки наварит.

Сегодня хорошо понимаю, что мама наша, да и все мы, частенько «со смертью играли». Много таких случаев было. Ну вот один из них. Пришел к нам партизан за едой, а тут - немцы с собакой. Мама его в сарай прятаться послала, но не успел, его обнаружили. Тогда она его за своего сына выдала. От него отстали, и мы уцелели.

Возле нашей деревни партизанам особенно негде было укрыться, кругом болото. Они базировались в лесах неподалеку. Но все равно они не упускали из виду все окрестности.

Возле деревни Ляхово действовал партизанский отряд Аркаши. Это был неуловимый для немцев отряд. Аркаша писал записки для немцев такого содержания: «Если вырубите лес до прута, тогда поймаете Аркашку-плута» и развешивал их на деревьях.

После того как этим отрядом был разбит немецкий обоз, немцы бросили на поимку командира все силы. Нашлись недобрые люди, которые его выдали. Аркашку расстреляли, отряд был разбит. А деревню Ляхово, за то что помогали партизанам, сожгли вместе с людьми. Всех жителей согнали в школу, постреляли в окна и подожгли.

Лето 1943 года, перед тем как была освобождена Смоленщина, все жители деревни Боровая Глинковского района прожили в лесу, за болотом (в двух километрах от деревни). Это местечко называлось «заболотник». Ушли всей деревней, с маленькими детьми, так как узнали о намерении немцев сжечь и нашу деревню. После того, что сделали фашисты с Ляховом, оставаться было очень страшно.

Чтобы укрыться от дождя, строили шалаши. И уже из леса мы наблюдали, как немцы один за другим поджигали дома в нашей деревне Боровой. Оставили всего 4 дома, видно сами собирались еще там остаться и планировали в этих домах разместиться.

А потом, уже в сентябре, пришли наши. Были все измученные, в грязных гимнастерках. Узнав о приходе своих, мы вышли из леса. Родовались очень.

Зимовать пришлось общиной в уцелевших домах. Кто мог, рыл себе землянки. Но зимовать в них все равно было невозможно. Трудно пришлось, и голодно, и холодно, но всё вытерпели, выдержали, выжили...»

Михаил Лаврентьевич Астапенков

1928 года рождения, из деревни Добромино Глинковского района Смоленской области.

Из воспоминаний М.Л. Астапенкова: «Стали в нашей округе объявляться партизаны. То там, донесётся слух, напали на немцев из засады, то, услышим, в другом месте подорвали ихнюю машину, то у старосты, везшего гитлеровцам собранные у населения продукты, подводы отняли. Словом, начинали досажать немцам. Вдохновляло это молодёжь на борьбу с оккупантами. И загорелось у меня желание податься в партизаны, чтобы самому мстить ненавистному врагу. Но так, как понимал, что из-за малолетнего возраста в отряд не принять, решил искать партизан с непустыми руками. Знал, им надо оружие, боеприпасы, и начал потихоньку на местах бывших боев летом и осенью сорок первого года собирать винтовки, патроны, гранаты. В общем, всё, что находил. Делал это вроде осторожно. Но кто-то всё - таки раскрыл меня. Приехали в деревню немцы, перерыли всё в доме, ничего не нашли. Собранное оружие я - то дома не держал.

Стали допрашивать, зачем, мол. Винтовки и куда девал. Я сначала полностью всё отрицал. А когда прижали, что кое-кто, дескать, видел, как я нёс винтовку и может подтвердить это, да, было такое. Нашёл винтовку, хотел пострелять. Затем бросил её в вир.

Но немцы всё-таки не поверили мне и забрали с собой. Взяли они тогда же вместе со мной и моего одноклассника Мишу Кондрашова. Его тоже подозревали в связи с партизанами. Так мы с ним оказались в немецком лагере.

Пробыли, однако, к счастью, в нём недолго. Немного больше трёх месяцев. Когда гнали на работу, удалось сбежать. Но и за то время, что провели за колючей проволокой, сполна познали весь ад фашистских концлагерей - голод, побои, каторжный труд.

Добравшись после побега в свою деревню, дома не жили. Скрывались на гумне, в стогах сена. На чердаках - словом, где только можно было, чтобы нас никто не увидел. Так по- собачьи и скитались, пока не пришло освобождение от оккупации...»

Мария Тимофеевна Боровцова

1932 года рождения, из деревни Милеево Глинковского района Смоленской области.

Из воспоминаний М.Т. Боровцовой: «Сиротское несчастье моё с большими бедами и печалью началось с зимы 1943 года, когда от косившей ослабших и лишенных какой бы то ни было медицинской помощи людей болезни, умерли мать и отец. Остались мы одни без родных и как дальше жить - горе мыкать, не могла ума приложить. Ведь было мне тогда всего-навсего десять лет, а осталась во дворе хозяйкой и хочешь вой, хочешь плачь, никто не услышит. Так мне часто в безвыходном отчаянии думалось.

Но нашлись-таки добрые люди, определили нас, меня и маленького брата, которому не исполнилось ещё и пяти лет, в Глинковский детский дом. Хорошо - плохо, все было, но жили мы там ещё более – менее по-человечески. Пусть не сыто, кормили. Не Бог весть в каком тепле и чистоте, но и не под открытым небом ночевали. Что ж, для сирот и это - ладно. Да только продлилась наша жизнь такая недолго.

В сентябре при отступлении немцы вывезли нас в Белоруссию. И там, как говорят, пошло-поехало – одни несчастья да беды.

Поместили нас в здании школы недалеко от города Орши. И всё. А, что дети хотят есть, вроде бы все и забыли. Чтобы не умереть с голоду, вынуждены были ходить попрошайничать по близлежащим деревням.

Не было за нами и никакого ухода. Негде было помыться, не во что переодеться, и мы обросли грязью, одежда и тело были усыпаны вшами. Из завшивленности и ослабленности начались повальные болезни тифом, гриппом и другими заразными болезнями. Никто нам не оказывал никакой медицинской помощи, и потому очень много детей умерло. Погиб там и мой брат.

В июле 1944 года, когда в Белоруссии началось большое наступление наших войск, оставшихся в живых детей заперли в товарных вагонах и повезли в Германию. Было нас там человек пятьсот.

Под Берлином нас выгнали из вагонов, разбили на группы. В нашей группе было тридцать девочек. После сортировки отправили в лагерь, который находился недалеко от пригорода Берлина. В нём пробыли два месяца.

Потом перевезли в другой лагерь, название его и местность не помню. Зато на всю жизнь осталось в памяти другое - кормили нас в нём очень плохо – супом из картофельных очисток и давали по малюсенькому кусочку черствого хлеба. Вот и вся наша еда. Часто били, всячески издевались.

Потом перевезли в другой лагерь, название его и местность не помню. Зато на всю жизнь осталось в памяти другое - кормили нас в нём очень плохо - супом из картофельных очисток и давали по малюсенькому кусочку черствого хлеба. Вот и вся наша еда. Часто били, всячески издевались.

Месяца через два почему-то переместили нас в третий лагерь, в Дрезден. Разбросали кого куда. Несколько девочек, в том числе и меня заставили убирать огромное здание - какую-то контору. Там мы мыли окна, двери, натирали паркетные полы. Жили на чердаке. Подъём был в 5 часов утра, отбой - в 24 часа.

Пятнадцатого февраля 1945 года это здание разбомбили американцы. И вообще была ужасная бомбёжка, весь город пылал. Девочки, бывшие со мной, куда-то исчезли, и я их больше не видела.

Оставшись одна, я пришла в отчаяние, как быть дальше? Не видя никакого выхода из окончательно придавившего горя, вышла на улицу и легла на дорогу: пусть раздавят машиной. Жизнь мне была недорога. Я о ней и не думала. Но, видно, не судьба была помереть мне в то день. Меня поднял проходивший немец и отвёз в лагерь под городом.

Это был интернациональный лагерь. В нём жили англичане, французы, украинцы из Киева и люди других национальностей. Там я и встретила освобождение.

После выхода из лагеря, от всего пережитого, я сильно болела, вся тряслась, очень высокое было давление. Здоровья нет и сейчас, живу только на таблетках.

Александр Тимофеевич Сергеев

1927 года рождения, из деревни Лейкино Глинковского района Смоленской области.

Из воспоминаний А.Т. Сергеева: 2В наше село вступил карательный отряд. Разнесся слух, что всех жителей каратели будут расстреливать, а молодёжь угонять в Германию, и нам, подросткам, пришлось разбегаться кому куда. Я убежал из своего дома за семь километров к тётке, где спрятался в сарае. На другой день по этой деревне проходила толпа партизан, и я узнал одного односельчанина. Он у меня спросил, что в деревне нового. Я ответил, что у нас стоят немцы. Чтобы удостовериться в этом, он позвал меня сходить с ним в деревню. С нами решили пойти ещё несколько партизан. По пути в одном месте заметили немцев. Сопровождавшие нас партизаны повернули назад. И нам советовали не рисковать. Но мы не послушали их, надумали всё-таки пробраться в деревню и своими глазами посмотреть, что там делается.

Пришли в деревню, когда уже стемнело. Думали, что нас никто не увидит. Но немцы за нами уже следили с чердака старой школы. И были посланы солдаты, захватить нас. Увидели мы это слишком поздно. Убежать уже не было возможности, они захватили нас.

Долго пытали, выведывая, кто мы такие, откуда и куда идём. Мы, как могли, отвечали, но они нам не поверили, хотя я был ещё подростком и на партизана не походил. На другой день нас повели в Ельню. По дороге, видимо, чтобы запугать меня, полицаи застрелили земляка. Думали, поле этого я расскажу им всю правду. Но мне нечего было рассказывать, и я стоял на своём.

В Ельне меня бросили в концлагерь. Пробыл я там, однако, недолго. По железной дороге вместе с другими узниками был отправлен в Германию в концлагерь в городе Ганновер. Работал на местном заводе до 10 апреля 1945 года, до освобождения американскими войсками....»

Иван Акимович Севастьянов

1925 года рождения, из деревни Облоги Глинковского района Смоленской области.

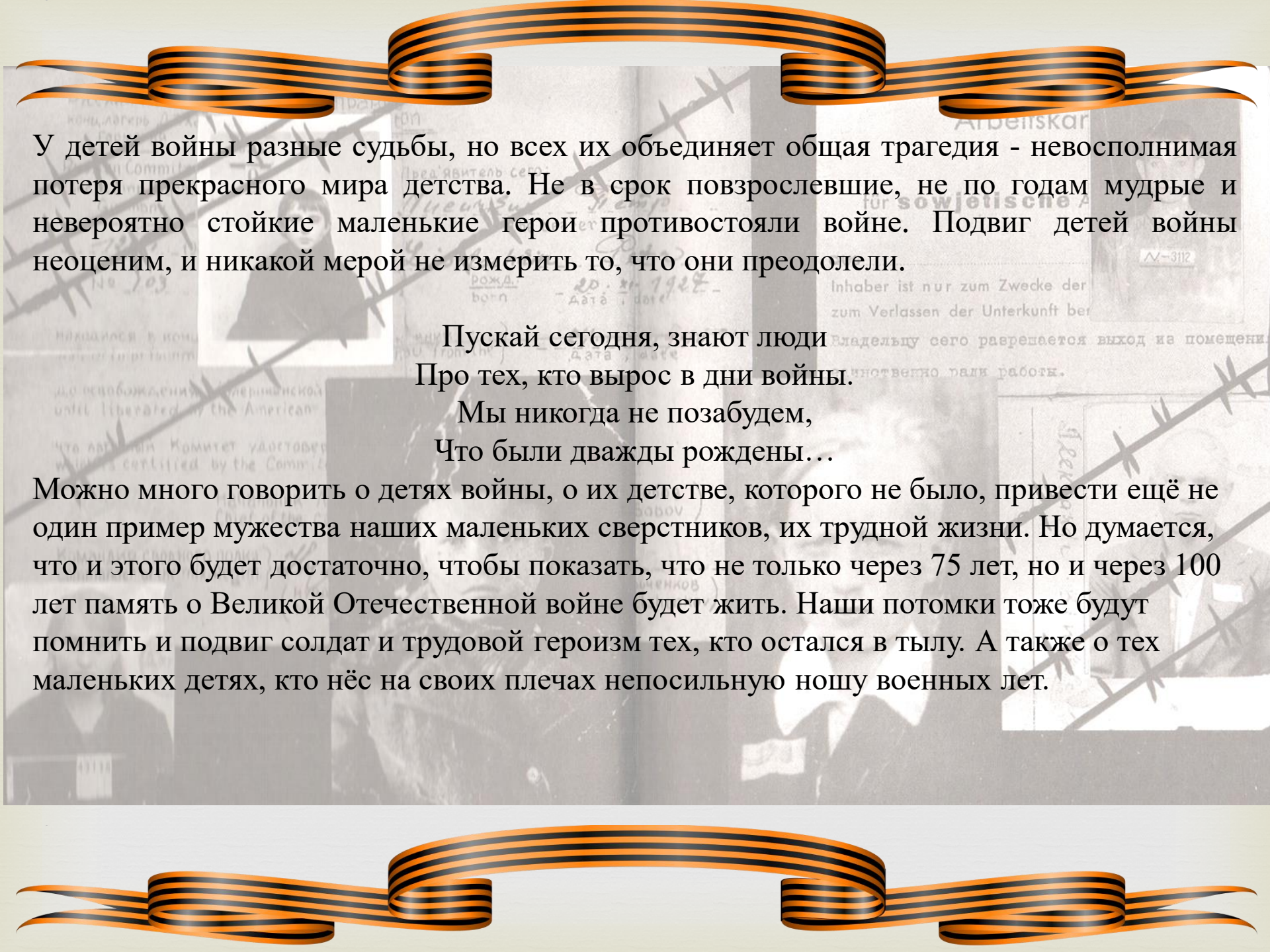
Из воспоминаний И.А. Севастьянова: «В сорок втором году партизаны отряда «Лазо» выбили из нашей и соседних деревень немцев, и мы, подростки, стали охотно помогать своим освободителям, чем могли. Собирали для них оружие, патроны, одежду. А иногда, когда они шли на задание в засаду на большак, проходивший через деревни **Устиново, Каменец** на Ельню, дежурили по очереди с одной винтовкой где -нибудь на высоком месте, чтобы дать им знать, если появятся вблизи немцы.

Когда каратели потеснили партизан и вырывавшихся из немецкого тыла конников корпуса Белова, часть населения нашей деревни ушла укрываться в лес. Там нас немцы и поймали. Погнали в Рославльский концлагерь. До Починка шли пешком. Кто отставал, тех пристреливали конвоиры. А в колонне были дети, старики.

Из Починка отправили в Рославльский концлагерь. Там продержали два месяца. Потом отсортировали группу в 200 человек для отправки в Германию. В неё попал и я. Вывели нас из лагеря и заперли в большом сарае, поставили часового. Ждали поезда для отправки.

Одиннадцать юнцов, в их числе и я, с помощью инвалида, проживавшего возле сарая, убежали и ушли в лес. Там разбились на группы, чтобы быть менее заметными, и пошли в стороны своих деревень. Питались в пути подножной пищей - ягодами. Съедобными растениями, молодыми корнями, но она была для нас в сто раз вкусней лагерной. Скиталась наша группа так около месяца, пока добрались до своего края. Дома скрывались на чердаках, в сараях. А когда в сорок третьем немцы стали отступать, ушли в лес. Но теперь спрятались в таком месте, что найти нас было невозможно. Отсиживались там около трёх недель, до прихода нашей армии...»

У детей войны разные судьбы, но всех их объединяет общая трагедия - невосполнимая потеря прекрасного мира детства. Не в срок повзрослевшие, не по годам мудрые и невероятно стойкие маленькие герои противостояли войне. Подвиг детей войны неоценим, и никакой мерой не измерить то, что они преодолели.

Пускай сегодня, знают люди
Про тех, кто вырос в дни войны.

Мы никогда не позабудем,
Что были дважды рождены...

Можно много говорить о детях войны, о их детстве, которого не было, привести ещё не один пример мужества наших маленьких сверстников, их трудной жизни. Но думается, что и этого будет достаточно, чтобы показать, что не только через 75 лет, но и через 100 лет память о Великой Отечественной войне будет жить. Наши потомки тоже будут помнить и подвиг солдат и трудовой героизм тех, кто остался в тылу. А также о тех маленьких детях, кто нёс на своих плечах непосильную ношу военных лет.

**Спасибо
за
внимание!**